

Мнимое противостояние

Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА

Мы очень долго думали, стоит ли писать эту статью. Думали прежде всего потому, что нам не хотелось присоединяться к нападкам на левопатриотическую оппозицию. Какая бы она ни была, но на сегодняшний день другой удерживающей силы в политике нет. И всё же мы решили, что разговор необходим. Иначе многое в столь сложной проблеме, как «планирование семьи» (пропаганда абортов, контрацепции и стерилизации), так и останется непроявленным. А люди, которые не хотят уничтожения нашей страны, будут на деле этому уничтожению способствовать. В лучшем случае попустительством, а в худшем — поддержкой по тем или иным «гуманным» соображениям.

Постараемся объяснить, что мы имеем в виду. Когда нам в 1996 г. пришлось впервые столкнуться с попытками превратить Россию в контрацептивную зону, где рождение ребёнка станет привилегией для узкого круга лиц, а остальным перепадёт почётное право совокупляться хоть с детсадовского возраста, но без последствий, мы сразу же постарались связаться с левой оппозицией. В первую очередь, с фракцией КПРФ в Думе. «Они просто не знают, — считали мы, — а когда узнают, конечно, дадут решительный отпор».

Они действительно не знали. Но к решительному отпору полученные знания как-то не привели. Нет, нельзя сказать, что реакция была нулевой. Весной 1997 г. Думский комитет по науке и образованию, где коммунисты составляли большинство, рекомендовал Минобразования приостановить введение сексуального просвещения в российских школах. Чуть позже Дума (тоже благодаря коммунистическому большинству) отказалась профинансировать из госбюджета федеральную программу «Планирование семьи». Деньги, правда, перекинули отнюдь не на помощь многодетным, а... фактически на ту же самую «планировочную» программу, только под другой вывеской — «Безопасное материнство». Не говоря уж о том, что депутаты не удосужились изучить перечень мероприятий, который включала в себе данная программа (а она включала всё ту же бесплатную раздачу презервативов, закупку лапароскопов для стерилизации и обучение подростков «безопасному сексу»), так их даже название программы — и то не насторожило. Хотя в Думе тогда уже вовсю шли разговоры об «информационных войнах» и «манипуляциях общественным сознанием»; при Думском комитете по безопасности действовал спецсеминар на эту тему, устраивались парламентские слушания... А ведь «безопасное материнство» — ярчайший пример такой манипуляции! На протяжении многих веков со словом «материнство» ассоциировалось что-то безусловно хорошее и возвышенное. Это, естественно, отразилось в языке. Недаром ни в русском, ни в других языках нет устойчивых выражений типа «подлость материнства» или «мерзость материнства», а, наоборот, существуют положительно окрашенные словосочетания «радость материнства», «счастье материнства», «подвиг материнства» и т.п.

И вот слово «материнство» помещается в совершенно непривычный для него контекст — медицинский. Само по себе это уже вызывает шок, так как профанируется возвышенное и даже сакрализованное понятие. А тут ещё вдобавок к этому понятию прицепляют отрицательную, угрожающую ассоциацию! Ведь если нужно принимать специальные программы по «безопасному материнству», значит, в принципе материнство опасно?... Это шок номер два. Как известно, шок парализует сознание и человеку в таком состоянии можно внушить любую ложь. В данном случае внушается, что материнство — болезнь, следовательно, беременность и роды есть не просто физиологические, а патологические, болезненные проявления материнства. (На Западе, где этот патологический взгляд на беременность уже укоренился, противники «планирования семьи» вынуждены даже читать лекции под названием «Беременность не болезнь, а лучшая эпоха в жизни женщины».) А что спасает от болезни? — Правильно, лекарства. В данном случае контрацептивы. Именно поэтому контрацептивы теперь приравнены к лекарственным препаратам. Это не глупость и не оплошность, а продуманная

манипуляция с далеко идущими последствиями. Привыкнув видеть противозачаточные средства на аптечных прилавках рядом с анальгином и валидолом, люди автоматически начинают относиться к ним благожелательно и с доверием. То есть зарождение и развитие новой жизни начинают восприниматься как зло, а средства, препятствующие этому, как добро.

Ну, предположим, депутаты утвердили программу «Безопасное материнство», тоже впад в состояние шока. И впадают уже несколько лет подряд при утверждении очередного бюджета.

Но с похабщиной в школьных программах «полового воспитания» всё было ясно с первых страниц текста, с первой же иллюстрации! Даже флегматиков от этих «экспериментальных пособий» начинало трясти. Кто-то говорил, что удушил бы авторов своими руками, а кто-то — что ему не хочется больше жить. Конечно, члены Государственной думы должны принимать взвешенные решения, но согласитесь, формулировка «приостановить до выработки концепции» по отношению ко всему этому — это несколько странно. Всё равно как если бы в школы вдруг стали внедряться людоеды (по чудовищности «эксперимента» это вполне сопоставимо), а органы власти *порекомендовали бы приостановить* процесс вплоть до выработки концепции поедания детишек, по-научному, педофагии. Сколько тут ни гадай, а вывод напрашивается один: так вести себя могут люди, которые в принципе ничего против не имеют, их смущают лишь частности.

Но ещё большую оторопь вызвал у нас законопроект, названный по всем правилам «политкорректного» новояза — «Закон о репродуктивных правах граждан». Под «репродуктивными правами» там, совсем в духе Орвелла, подразумевался отказ от репродукции (то есть деторождения): права на аборт, контрацепцию и стерилизацию. Школьный же секспросвет по этому закону был бы уже не правом — он вменялся бы в обязанность. Но самое удивительное ждало нас в правом верхнем углу титульного листа — там, где перечисляются фамилии депутатов, вносящих законопроект на рассмотрение Думы. Первой красовалась фамилия депутата от КПРФ. Конечно, у нас возникли самые разные (впрочем, весьма банальные) подозрения. Но сейчас, по прошествии нескольких лет, мы понимаем, что дело тут не в предательстве и не в подкупе. И вообще не в частных лицах и не в частных обстоятельствах. Дело гораздо серьёзней, и без прояснения его сути мы так и будем или недоумевать, или возмущаться. И то, и другое бесплодно.

Планов по осчастливливанию человечества в истории было очень много. «...Мы должны всё превратить в совершенство. Как же это сделать, как уничтожить земные невзгоды?.. Во-первых, всё вредное мы уединим, отделим, изолируем... во-вторых, мы лишим их (вредных. — **Прим. авт.**) возможности продолжить свой род. Они могут жить с жёнами, но жёны благодаря лёгкой операции будут бесплодны. Таким образом, огонь неугасимый, но не жгущий будет непрерывно уничтожать всё плохое... Лучшее же человечество должно усиленно размножаться. Если преступники и несовершеннолетние имеют хоть каплю ума, они будут радоваться тому, что сходят со сцены... Если убийца имеет детей, то и дети его, живя на свободе и с жёнами, лишаются потомства. Если есть внуки и правнуки, то и те подвергаются той же участи. Будет чистое человечество, без мысли об убийстве. Это строго, но разве можно считать серьёзным наказанием лишение потомства — это скорее облегчение. Мать не мучается, а муж тому также радуется».

Данный план принадлежит... К.Э. Циолковскому. Да-да, тому самому трогательному старичку со слуховой трубкой, которого у нас называют «отцом русской космонавтики». Неизвестно, был ли он знаком с трудами «отца современного общества», феминистки Маргарет Зангер, которая тоже считала, что «плевелы человечества» не должны иметь потомства. Факт тот, что поют они в унисон, и это не случайное совпадение. На заре своей карьеры Зангер была социалисткой и даже, представьте себе, спонсировала приезд в Москву Джона Рида, написавшего книгу об октябрьской революции «Десять дней, которые потрясли мир». Потом, правда, пути западных и советских «потрясателей» мира разошлись, но совсем по другой линии — экономической. Зангер и её покровители Рокфеллеры вовсе не были заинтересованы в том, чтобы отношения собственности подвергались пересмотру, а уменьшать социальное

напряжение намеревались путём уменьшения рождаемости среди бедных. То есть в области экономики они были правыми, а в области морали — левыми. Наши же отечественные романтики исповедовали тотальную левизну: построение нового общества и создание нового человека. И чтобы никаких предрассудков типа любви, верности, брака, привязанности к детям! Аборты, между прочим, впервые были разрешены вовсе не в Америке и не в Европе, а в Советской России. В этом отношении мы опередили Запад, по меньшей мере, на 40 лет. А пресловутая «теория стакана воды»?! Автор этой теории, первая женщина-посол Александра Коллонтай утверждала, что любовь — буржуазный анахронизм, а переспать для мужчины и женщины должно быть так же просто, как выпить стакан воды. Дескать, это обычный физиологический акт и нечего делать из него культ. Пьём же мы, когда хочется и сколько хочется. А Ленин с ней робко полемизировал, говоря, что вода всё-таки должна быть не из лужи, а чистая. И стакан желательнее чтобы не был захватан множеством чужих губ. Заметьте, сам принцип «стакана воды» им не оспаривался, но всё же хорошее воспитание, полученное в детстве, помешало признать утверждение разврата как нормы жизни. Так что в данном вопросе Коллонтай была более последовательна.

И секспросвет впервые пришёл в нашу страну вовсе не в 90-е годы. Гениальному советскому педагогу А.С. Макаренко пришлось в «Книге для родителей» посвятить специальную главу борьбе с этими веяниями. «Не так давно, — писал он, — одна мысль занимала много свободных людей в такой форме: как объяснить детям тайну деторождения? Проблема выступала в либеральных одеждах, и либеральность эту видели в том, что уже не сомневались: тайну деторождения детям нужно обязательно объяснять. С высокомерием посмеивались над старыми возмутительными подходами, ненавидели аистов и презирали капусту. Были убеждены, что от аистов и от капусты должны происходить разные бедствия и что современное объяснение эти бедствия предупредит. Самые отчаянные и либеральные требовали полного срывания «покровов» и полной свободы в половых разговорах с детьми. На разные лады и различными голосами толковали о том, какими ужасными, извилистыми путями современные дети узнают тайну деторождения. Впечатлительным людям в самом деле могло показаться, что положение ребёнка перед тайной деторождения подобно трагической коллизии какого-нибудь царя Эдипа. Оставалось только удивляться, почему эти несчастные дети не занимаются массовым самоубийством».

Как будто это написано не в 30-е годы, а сегодня. Аргументы, которые слышим мы от современных поборников сексуального просвещения, слово в слово совпадают с теми, что приводит Макаренко. Ничего не изменилось!

А вот ещё цитата из «Книги для родителей»: «Выяснилось, что при самом добросовестном старании, при самой научной мимике всё-таки родители рассказывали детям то самое, что рассказали бы им и «ужасные мальчишки и девчонки», предупредить которых и должно было родительское объяснение. Выяснилось, что тайна деторождения не имеет двух вариантов».

И — опять одно к одному, только слова про «ужасных мальчишек и девчонок» теперь заменяются словом «подворотня»: «Вы что, хотите, чтобы детей просвещали в подворотне?» Со временем ультрареволюционность в области морали была смягчена традиционной культурой, но границы дозволенного уже были основательно расширены. В книге забытого сейчас теоретика педагогики Е.А. Аркина «Дошкольный возраст», выдержавшей к 1948 г. пять изданий, в главе «Половое воспитание в дошкольном возрасте» читаем: «В некоторых детских садах с целью «полового закаливания» практикуется совместное купание воспитательниц с детьми, чтобы сделать для мальчиков привычным вид обнажённого женского тела. Я полагаю, что, по крайней мере, к мальчикам старше шести лет такой приём недопустим». (В те годы такое купание считалось «профилактикой детской мастурбации»!) Подчёркиваем, речь идёт о госучреждениях, а они тогда даже для дошкольников были насквозь идеологичны. И даже потом, в 60–80-е годы, когда «теорию стакана воды» благополучно осудили и вопрос совместного помыва детсадовских воспитательниц с дошколятами был снят с повестки дня, глубинная левизна в вопросах морали осталась. Остались аборты (их запретили в 1936-м и вновь разрешили в 1955-м, уже после смерти Сталина), остались разводы, осталось отношение к

семье и детям как к чему-то второстепенному. Даже лозунг такой был: «Общественное выше личного». Студентке, если её угораздило родить, внушалось, что она ни в коем случае не должна брать академический отпуск, работающая женщина тоже спешила приступить к своим служебным обязанностям (главное — не прерывать стаж!) и почитала за огромное счастье, если можно было не сдавать годовалого ребёнка в ясли, а оставить дома с бабушкой. Всё было важнее детей: учёба, производство, командировки, защита докторской, общественная работа.

С самого нежного возраста детей приучали гордиться матерью как представительницей той или иной профессии. Часто отнюдь не женской. Вспомните хрестоматийное стихотворение С. Михалкова, в котором дети похваляются друг перед другом своими мамами. Мама-летчик конкурирует с мамой-вагоновожатым. А вот примиряющее обобщение автора:

«Летчик водит самолеты — / Это очень хорошо. Повар делает компоты — / Это тоже хорошо. Доктор лечит нас от кори, / Есть учительница в школе. Мамы разные нужны, / Мамы всякие важны!» Обратите внимание: для просто мамы, мамы — хозяйки дома, воспитательницы своих детей, в этом списке места не нашлось. Такова была установка, которую получали советские дети.

А в начале 70-х появился остропроблемный фильм «Доживём до понедельника». В нём сочинение старшеклассницы стало причиной серьёзного конфликта в педагогической среде. Весь сыр-бор разгорелся вокруг того, что эта старшеклассница осмелилась поведать о своей мечте стать матерью четверых детей. А в чём обвиняла девочку негодующая учительница литературы? В том, что у неё мещанские, мелкотравчатые представления о счастье, ведь детей рожают для себя, а эгоистом быть дурно. Правда, симпатии фильма авторов были на стороне молодой преподавательницы английского, которая как раз девочку защищала. Да, но с каких позиций? «Диссидентствующая англичанка» ни в коем случае не имела в виду, что быть матерью — высшее предназначение женщины. Скорее, она отстаивала право серой, ничем не примечательной ученицы иметь мечту, соответствующую её уровню. Не всем же быть Софьями Ковалевскими! Одни рождаются гениями и яркими личностями, другие — посредственностями. У кого какая генетика...

Хотя... и здесь не всё так просто. На заре советской власти всерьёз ставился вопрос об улучшении человеческой породы. Наука евгеника, которая была призвана этим заняться, ошибочно связывается лишь с гитлеровской Германией. Снова обратимся к дедушке Циолковскому. Калужский мечтатель грезил о «лучшем социальном устройстве Земли», о зачатках коммун: «обществах 1-го порядка, где будут некоторые «уклонения к коммунизму», и о более совершенных «обществах 2-го порядка», которое будет «бескорыстнее, бережнее, способнее к коммунизму». Мечталось ему и о некоем «избранном высшем» — «самом умном», «самом знающем» человеке, который когда-нибудь будет руководить всеми людьми. «Нам скажет наш избранный высший: «Мы будем хозяевами Земли, мы будем господствовать над воздухом, водой и почвой, климатом, растениями и животными. Но это будет только тогда, когда население Земли возрастёт в 1000 раз. Значит, более совершенному надо усиленно размножаться («несовершенных» же, как вы помните, ждала, по проектам учёного-гуманиста, совсем иная участь — стерилизация. — **Прим. авт.**). Он (избранный высший) укажет нам способы усиленного размножения и быстрого усовершенствования человека...», — читаем в статье Циолковского «Новая этика» (Рост, 1998, №1). Какие именно способы имел в виду автор, осталось за рамками статьи, но современная наука знает их уже немало. Тут и экстракорпоральное оплодотворение, которое очень часто приводит к многоплодной беременности, и суррогатное материнство, в принципе дающее возможность одной паре иметь целую армию потомков, поскольку вынашиванием детей занимаются посторонние женщины — суррогатные, то есть ненастоящие, поддельные матери. Если нанять необходимое число «суррогаток», то детей можно буквально штамповать: каждый месяц по ребёнку. Мы уж не говорим о таких сверхновых технологиях, как генная инженерия и клонирование.

Кто-то может подумать, что Циолковский был единственным в своём роде. Этаким чудиком. Ничего подобного. Первые эксперименты в области генетики были проведены в 20-е гг. советскими учёными школы А.С. Серебровского. Евгеника тоже процветала не где-нибудь,

а в СССР. В 30-е годы известный в то время учёный Н.К. Кольцов основал Русское евгеническое общество и журнал. Потом он, правда, разочаровался в пропагандируемой им науке, но вовсе не потому, что осознал порочность вторжения в замысел Творца, а просто счёл евгенику на тот момент недостаточно эффективной. В частности, Кольцов опасался, что повышение умственных способностей не всеми «улучшенными» будет обращено во благо государству. Некоторые используют свой усовершенствованный ум для усовершенствования... преступности, а у молодого советского государства и без того много проблем.

Прошло полвека, и на новом витке науки отечественная евгеника вновь подала голос. В 1991 г. в журнале «Советская евгеника» некто С.Е. Мотков, пугая читателей страшными прогнозами о стремительной деградации нашего населения, пишет о необходимости уменьшить «генетический груз». Для этого автор предлагает прочно закрепить в государственной политике идею искусственного отбора. Государство должно начать проведение «евгенического эксперимента» сначала в небольшом городе, «постепенно расширяя территорию, охватываемую евгеническими мероприятиями». Далее Мотков расшифровывает, что включают в себя «евгенические мероприятия». Это отбор граждан на основе психологического тестирования, медицинских обследований, сведений об успеваемости и искусственное осеменение на основе отобранной спермы. Отбирать достойных производителей потомства предполагалось по «коэффициенту интеллектуальности». Не правда ли, заманчивая перспектива?

А вот совсем другой автор, из другой эпохи: «Больной — паразит общества. В известном состоянии неприлично продолжать жить... Создать новую ответственность, ответственность врача, для всех случаев, где *высший интерес* к жизни, *восходящей жизни*, требует беспощадного подавления и устранения *вырождающейся жизни*...» Резковато, конечно, грубовато. Но скажите честно, разве это такая уж неведомая музыка? Ницше в своих работах — а мы процитировали его «Сумерки кумиров» — вообще особо не церемонился с несовершенными, «неполноценными» личностями. Но ведь дело опять же не в форме, а в сути. Коренных различий между двумя этими мнениями нет, ибо корень у них один — либерализм.

В последние годы мы все как-то привыкли противопоставлять «демократов» и «патриотов». А так как «демократы» жёстко сцеплены в общественном сознании с либерализмом, «патриоты» автоматически причисляются к антилибералам, защитникам традиций. И сами они себя таковыми считают. Но в реальности всё гораздо сложнее. Да, конечно, наши коммунисты являются противниками западного диктата. Они не хотят, чтобы Россия стала сырьевым придатком и политической марионеткой Запада. Но это первый уровень. На втором, экономическом, наши коммунисты тоже противостоят либералам, ратуящим за полную свободу рынка.

Однако есть третий уровень, на наш взгляд, гораздо более важный для дальнейшего развития России и всего мира, поскольку с появлением новых биомедицинских технологий мир в очередной раз оказался на перепутье. Причём от выбора пути будет зависеть не просто социально-экономический уклад нашей жизни, но и само существование человеческой расы, ведь последние открытия в области медицины и биологии всерьёз ставят вопрос о выведении нового вида *sapiens* и о глобальном изменении этики и морали. Готовы коммунисты к осмыслению этих страшных вызовов? Нам кажется, нет. Более того, на этом третьем уровне они вполне могут очутиться в одной лодке с либералами.

Как объяснить, например, появление в ультралиберальном журнале «Итоги» материала (Бергер Я. За великой стеной// Итоги. 1999. 16 марта), который звучит прямо-таки гимном китайской политике сокращения рождаемости? Куда подевался пиетет перед правами человека, свободой личности, ненависть к диктатуре? Напротив, автор, похоже, сожалеет, что за последнее время у китайского правительства не появилось новых рычагов давления на супружеские пары. И уж во всяком случае, в статье Бергера не находится ни одного худого слова, когда он описывает чудовищный тоталитаризм властей по отношению к гражданам. Вот что он пишет: «Для достижения желанных демографических показателей были задействованы все государственные ресурсы: административные, идеологические, политические, экономические, организационные. Третий ребёнок в семье не имел права на медицинскую помощь при

родах, на карточное снабжение продовольствием, ему не полагалось пелёнок... В городах государство старается, как может, чтобы повысить планку брачного возраста. Например, при распределении после вузов старательно разлучают наметившиеся пары... Семьи, взявшие на себя обязательство не рожать больше одного ребёнка, получают соответствующее официальное удостоверение, им причитаются ежемесячное пособие, первоочередное право на устройство в ясли и детсады, повышенная пенсия в старости, их ставят в льготную очередь на получение жилья. В 1980 г. ЦК КПК опубликовал «Открытое письмо» ко всем коммунистам и комсомольцам с призывом осуществлять политику однодетной семьи. К середине 1996 г. 49 млн молодых пар взяли на себя обязательство ограничиться одним ребёнком...»

Как видим, автора на смущает вторжение государства в супружескую спальню. Всё нормально, всё о'кей. Вы скажете: «Ничего удивительного. Обычная для Запада двойная бухгалтерия. Что выгодно Америке — то и хорошо». Ошибаетесь. Нет здесь никакой двойной бухгалтерии, а есть мировоззренческая солидарность. И либералы, и коммунисты не допускают мысли о том, что существуют обширные области человеческой жизни, лежащие вне человеческой компетенции. И те, и другие ощущают себя творцами мира. Не признают над собой никакого другого Творца. Всё должно быть подвластно человеку. Он-де может всё изучить, спланировать и переделать. Расхождение между либералами и коммунистами здесь чисто политическое: по вопросу о том, в чьих интересах и кем будет осуществляться эта переделка.

В СССР, в отличие от социалистического Китая, политика аборт, контрацепции и стерилизации не поощрялась. Но почему? Потому что требовались, как тогда говорили, «трудовые ресурсы». То индустриализация, то война, то освоение целинных земель, то строительство БАМа. А если бы это было признано нецелесообразным, не соответствующим целям и задачам государства? Наверно, тогда бы планирование семьи органично вписалось в общую систему планового хозяйства. Теперь, когда в России налицо, по выражению известного демографа В.И. Козлова, «смертельная демография», думские оппозиционеры отказываются финансировать «планировщиков». И тем самым, кстати, подают повод тому же журналу «Итоги» упрекать их в непоследовательности. «Вместе с думцами на программу и на саму идею планирования семьи ополчилась православная церковь, — пишет Г. Ковальская. — Но если церковников можно понять: они в самом деле ратуют за ортодоксальные библейские ценности, то солидаризовавшаяся с ними КППФ выглядит довольно забавно — в Европе как раз идею планирования семьи поддерживают не только либералы, но и все левые, включая коммунистов».

Увы, союз с Церковью, который так позабавил журналистку, здесь пока чисто тактический. «Поступаться принципами» никто и не думает. Всё та же замороженность научным прогрессом, который якобы неостановим, всё та же мечта «догнать и перегнать», всё та же упрямая вера в могущество человеческого разума и в право этого разума творить по своему разумению всё, даже людей, — вот что мы сейчас наблюдаем. Сколько раз мы слышали в левопатриотических кругах, что клонирование человека было бы отличным выходом из демографического кризиса. Жаль только, что деньги в руках олигархов и поэтому Запад снова нас опередит. А представьте себе, что вдруг перед нашим государством забрезжила бы реальная возможность повысить рождаемость, субсидируя суррогатное материнство среди китаянок и кореянок. Пусть бы они за деньги вынашивали русских детей. Были бы у этой идеи противники в левом стане? И какие возражения они бы приводили? Думаем, большинство этих возражений было бы в традиционном для либерализма логически-рациональном ключе: дескать, сегодня представительницы жёлтой расы согласны на вынашивание, а завтра ещё, чего доброго, потребуют прописки, работы, жилья. Или предъявлять права станут на наших детей, которых они всего-навсего выносили. Конечно, будут и аргументы этического плана: насчёт аморальности подобного подхода к решению демографических проблем. Но многие ли наши левые задумаются над тем, что есть тайны, которые люди вообще не должны пытаться разгадать? И уж тем более не должны пытаться менять Божественный замысел. Ведь первые люди и пострадали из-за того, что отведали запретный плод с дерева познания...

А вот и вполне современная картинка:

— Вот, почитайте! Я специально для вас сделал ксерокс. Потрясающая идея! Это наше единственное спасение, — заявил маститый учёный из КИРФ, протягивая нам «Комсомольскую правду» со статьёй о торжестве биороботов над людьми в самом ближайшем будущем.

И его доброе лицо озарила улыбка надежды.